

ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ ПРОСТОТА

На концертах Германа Абендрота

Трудно говорить о бетховенском цикле, проведенном выдающимся немецким дирижером Германом Абендротом. Трудно из-за обилия, многообразия и яркости впечатлений, которые остались от этих концертов.

Всегда, когда я думаю о симфоническом творчестве Бетховена, у меня невольно возникает сравнение с величайшими творениями Микельанджело: и те и другие подавляют своей титанической силой и одновременно возвышают своим гуманизмом, правдивостью, чистотой.

Слушая Бетховена, играя его, зная каждый голос, фразу, ноту партитуры, не устает находить в ней новые и новые богатства — краски, образы, не устает поражаться вдохновенной силе этого поэта и мыслителя.

Пожалуй, больше, чем когда-либо, я испытал это чувство на концертах Германа Абендрота. Этот дирижер — художник крупного масштаба, художник всегда ищущий, а не довольствующийся тем, что уже достигнуто.

Я слышал Абендрота впервые 30 лет назад, в период расцвета его творческих сил. И тогда он уже был блестящим мастером, прекрасно владеющим оркестром. Честно скажу, что я несколько опасался нашей новой, нынешней встречи, опасался чувства разочарования, которое часто испытываешь, когда видишь, как страстный, дерзновенный художник с годами утрачивает свой артистический пыл и приходит к «благополучному спокойствию».

К моему радостному удивлению (ведь уже самый возраст Германа Абендрота мог сковать его творческие искания) я увидел художника внутренне обогащенного, выросшего, художника по-молодому увлеченного. И думается, что силы свои он черпает в тех идеях и чувствах, которые присущи передовым деятелям Германской Демократической Республики.

Концерты Абендрота, прошедшие в Москве, представляются своеобразным творческим отчетом, итогом того, что проделано более чем за пять десятков лет артистической жизни, наполненной интенсивным, неутомимым трудом. Именно **итогом**, потому что вряд ли что-либо другое, кроме девяти симфоний Бетховена, может так многообразно и разносторонне раскрыть творческую индивидуальность дирижера. Все здесь выявляется: и темперамент, мужественная сила, столь необходимые в музыке драматической, волевой, энергично-наступательной, такой, каковы образы «Героической», Пятой, Девятой симфоний; и умение передать настроение лирико-созерцательное — покой, сосредоточенность, углубленное романтическое раздумье, отличающие Четвертую и Шестую симфонии, остро показать загорную танцевальность, народный колорит музыкальных образов (Первая, Седьмая, Восьмая симфонии).

Все это сполна раскрылось в артистической индивидуальности дирижера.

Тут же замечу, что цикл бетховенских концертов явился серьезным испытанием для творческих коллективов столицы. В отличие от других циклов, где обычно различные дирижеры выступают с одним оркестром (и это, может быть, труднее для коллектива, но облегчает задачу дирижера), в данном цикле трудности были у дирижера: в концертах Абендрота принимали участие Государственный симфонический оркестр Союза ССР, Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и Симфонический оркестр Московской филармонии — коллективы, разные и по своему творческому опыту и по художественному лицу.

Наиболее серьезный экзамен предстояло выдержать Симфоническому оркестру Московской филармонии — талантливому коллективу, созданному недавно, но показавшему в этом испытании все возможности своего дальнейшего интенсивного творческого роста. Порадовали меня оркестры Всесоюзного радио и Государственный симфонический оркестр.

Но вернусь к Абендроту. Всегда, когда говоришь о подлинном художнике, как бы ни был велик его творческий диапазон, стремишься наиболее точно определить те характерные черты, которые отличают его художественный облик, его индивидуальную по чертам от другого. Такой чертой в облике Германа Абендрота представляется мне сочетание умения мыслить крупными масштабами форм с предельно ясной, четкой, филигранной прорисовкой деталей партитуры, стремление выявить каждый

инструмент, каждый эпизод, каждый голос, подчеркнуть ритмическую остроту рисунка, происходящими от желания раскрыть народную основу, ярко национальный характер образов.

Дирижеру удастся романтизировать музыку Бетховена, отойти от скованности, педантичности, которые нередко слышатся в трактовке оркестровых сочинений Бетховена. И вместе с тем он строго придерживается текста композитора, ни в чем не искажая его замысла.

Я отнюдь не хочу сказать, что всегда полностью согласен с трактовкой дирижером всех симфоний Бетховена. Думается, что иногда он, увлекаясь задачей «выявления» народного начала, слишком убыстряет темпы, иногда «романтизируя» текст Бетховена, делает, на мой взгляд, чрезмерно резкие темповые сопоставления. Но подчеркиваю — «на мой взгляд». Исполнению Абендрота настолько присуще подлинное вдохновение мастера, настолько в нем ощущаешь тонкого знатока бетховенского симфонизма, что, внутренне не соглашаясь с ним, веришь, что можно делать и так, как он.

И еще одно качество, отличающее манеру Абендрота: для Бетховена характерен показ не только самого героя, но и природы, окружающей его. Удивляешься, как талантливый дирижер сумел найти и выявить это качество во всех без исключения симфониях композитора, обогатив тем самым наше впечатление от того или иного сочинения.

Вспоминается, как однажды кто-то из крупных музыкантов сказал: «Если дирижеру удастся хоть одна часть из девяти симфоний Бетховена, он может считать себя счастливым». Герман Абендрот, безусловно, многократно счастлив, ибо не од-

Вполне убедительным представляется прочтение «Героической» симфонии, особенно ее 2-й части — «Похоронного марша», в котором звучат мужество, героизм борцов за свободу и счастье человечества. Проникновенно, глубоко прозвучало и сосредоточенно-углубленное раздумье 2-й части Пятой симфонии.

Много можно было бы говорить о впечатлениях от Шестой («Пасторальной») симфонии, но больше всего хотелось здесь подчеркнуть удивительную простоту, которая отличала исполнение этого произведения, и умение найти художественное равновесие прозрачных, акварельных тонов и ярких, броских, искрометных красок, характерных для народной манеры. Мне сразу вспомнились слова Серова об этом произведении: «Пасторальная» Бетховена в своей простоте так же «величественна», как и симфония героическая в своем роде, — так же правдива, естественна и так же окончательно убивает все музыкально-искусственное, где проглядывает риторичность». Именно правдивость, «величественная простота», поразительная чистота стиля, вообще характерные для Абендрота, ощущались здесь с еще большей силой.

Между прочим правдивость, простота исполнительской манеры Абендрота сказываются и в скромности дирижерского жеста. Музыкант никогда не любуется собой, никогда жест его не отвлекает на себя внимания публики, но вместе с тем он настолько выразителен, что помогает не только оркестру, но и слушателям в осознании того или иного музыкального образа.

Нужно ли говорить о впечатлениях от других симфоний, о том, что в Восьмой меня, например, больше убедили 1-я и 3-я части? Думаю, что в этом нет необходимости.

Выскажу несколько соображений лишь о Третьем фортепианном концерте, который исполнил в сопровождении оркестра под управлением Абендрота пианист С. Рихтер. Творческие индивидуальности этих двух артистов — Рихтера, крайне импульсивного, эмоционального, темпераментного, и Абендрота, сдержанного, строгого, спокойного, — различны. Но они сумели «уравновесить» друг друга, найдя общий язык, особенно во 2-й части концерта — вдохновенной, возвышенной.

Я говорил довольно много о концертах, предшествовавших программе, в которую вошла Девятая симфония. Но все они явились как бы подготовкой к исполнению этой симфонии — венцу творческого гения Бетховена.

И так же, как Девятая симфония — синтез бетховенского симфонического творчества, так и исполнение ее — синтез художественных замыслов и возможностей дирижера Германа Абендрота.

Звучание Девятой симфонии на концертной эстраде — всегда подлинный праздник для слушателей, и прежде всего потому, что это произведение — синоним великого искусства, воодушевлен-

ного большими идеями. Все в нем — от высокого драматического пафоса 1-й части, стремительного напора 2-й, сосредоточенно-углубленного философского раздумья 3-й до солнечного, лучезарного финала пронизано одной идеей — братской дружбы всех народов.

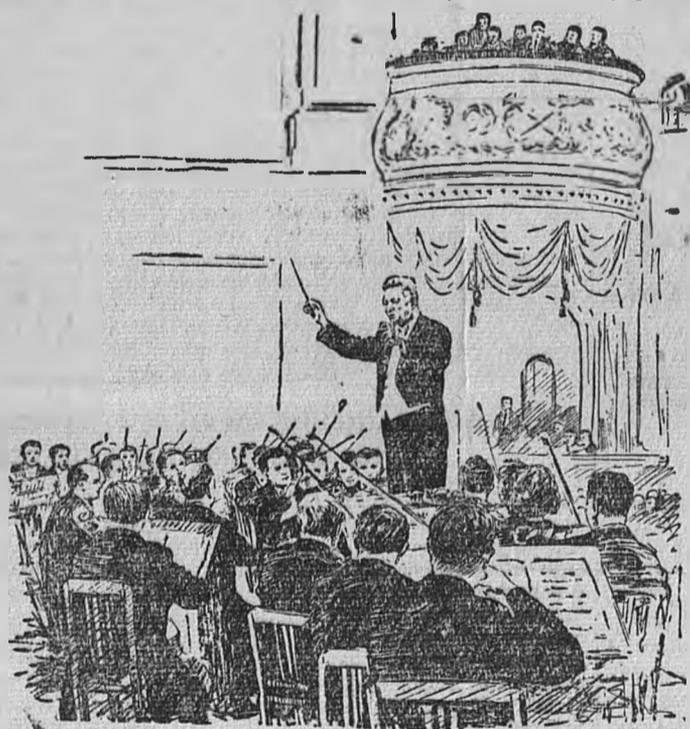
Абендрот с мастерством подлинного, тонкого художника раскрыл замысел композитора.

Выше всяких похвал прозвучали в финале симфонии Государственный хор русской песни и хор мальчиков Московского хорового училища (художественный руководитель А. Свешников). Труднейшие сольные партии исполнили солисты — артисты Большого театра Союза ССР Н. Шпиллер, Л. Авдеева, И. Петров, А. Хоссон.

Чувство радости доставили музыкантам-профессионалам концерты Германа Абендрота. Такая же радость ощущалась в зрительном зале и у широкого слушателя — подлинного ценителя всего прекрасного.

И хочется надеяться, что музыкальные события, подобные тем, которые только что закончились в Москве, порадуют нас в этом сезоне и дальше.

Профессор А. ГАУК,
 народный артист РСФСР.

Герман Абендрот дирижирует оркестром.
 Рисунок И. Михайлина.

ной частью и даже не одной симфонией Бетховена исчисляются его удачи.

Блестяще провел дирижер Первую симфонию. Успех его обусловлен прежде всего тем, что в отличие от многих дирижеров, от принятого в ряде музыковедческих трудов толкования этого произведения в мопартовском плане, с нарочито подчеркнутой легкостью, прозрачностью, как говорит Роллан, «юношеской беспечностью», Герман Абендрот сумел выявить в нем именно бетховенское начало. Он достигает этого разными путями: заостренной фанфарностью, героичностью главной темы первой части, контрастным противопоставлением ей сумрачного басового голоса побочной партии, особой выразительностью интонации страдания в драматическом эпизоде второй части. Еще большую остроту, «акцентировку» приобретают в трактовке дирижера яркие тональные и динамические контрасты 3-й части — «Менюэта» и т. д., то есть дирижер делает все, чтобы выявить те черты нового, отличного от Моцарта и Гайдна стиля, которые так взволновали современников Бетховена при первом прослушивании этого раннего симфонического произведения композитора.